

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

(Фрагмент)

Источник: **Шкляревский А.** Что побудило к убийству? (Рассказы следователя) / Подгот. текста, сост. вступ. ст., коммент. А. И. Рейтблата. -- М.: Худож. лит., 1993. -- 303 с. ("Забывтая книга")

Scan, OCR, SpellCheck, Formatting: Алексей Никитин, 2009

Слово "богема" ввел в употребление французский писатель Генрих Мюрже. Богема, собственно, -- цыганщина. Богемою Мюрже окрестил студентов Латинского квартала, но затем богемой стали называть всякую интеллигентную бедноту, которая артистически -- весело и беззаботно -- переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к земным благам.

"Есть нечего, да жить весело" -- пословица, которой характеризуется жизнь богемы. Но наша богема, имея много общего с богемой Латинского квартала, имела свои особенности. К числу особенностей принадлежало и то, что она делилась на два разряда.

В шестидесятых годах в первом разряде богемы числились: Мей, Кроль, Решетников, Сергей Максимов, Михневич, Помяловский, Курочкины, Василий и Николай, Омулевский, Жулев, Лейкин, Иванов-Классик и многие другие.

Ко второму разряду принадлежали: Шкляревский, Кушевский, Ломачевский, Крутиков, Волокитин и другие.

Первые выбирали для своих сходбищ рестораны почище и подороже, вторые ютились в подвальных рестораниках, которые так и звались "ямками".

Замечательно, что первый разряд богемы пил сильнее, так сказать -- беспробуднее. Многие из них принесли свою жизнь в жертву своей неводержанности: почти все они умерли, не достигнув 50 лет, а некоторые погибли на заре жизни. Так, Решетников умер 30, а Помяловский -- 27 лет.

Если из перечисленных нами лиц С. В. Максимов, В. О. Михневич, Н. А. Лейкин и другие достигли более солидного возраста, то на это, безусловно, повлиял выход их из богемы. А на этот выход оказали влияние хорошие женщины, давшие им семью и сердечное отношение.

В богеме второго разряда гигантами питья являлись Шкляревский и Кушевский.

Шкляревский -- русский Габорио, совершенно не оцененный нашею партийною критикою <...> Прошла критика <...> мимо Шкляревского, не отметив ни одного его романа, а между тем все его романы, взятые из уголовных дел, были удивительно талантливо разработаны.

Пользоваться Шкляревскому уголовными делами было очень легко, так как он около четырех лет занимался у А. Ф. Кони. Шкляревский знал отлично жизнь. Он вместе с А. С. Сувориным учительствовал в Воронежской губернии, затем служил и много путешествовал. Что заставляло его пить -- необъяснимо. Его всегда в дни запоя спасал великий гуманист-врач, профессор Манассеин, который клал его в клинику и вытрезвлял.

Некрасов тоже много раз старался останавливать Шкляревского, видя в нем большое дарование.

-- Разве ты так бы писал, если бы жил трезвее? -- говорил он ему.

Раз Шкляревский слушал-слушал увещания Некрасова да вдруг и выпалил:

-- Не тебе обо мне судить, потому ты сам писать не умеешь. Ты вон свое стихотворение "Еду ли ночью по улице темной" шедевром считаешь, а стихотворение -- дрянь и в основе ложное. "Она" идет торговать собою, чтобы "добыть" на гроб сыну и на ужин отцу, и при этом надевает свое хорошее подвенечное платье. Ну подумай! Зачем ей было идти торговать собою, когда за ту же цену можно было продать хорошее платье и сделать гроб и накормить отца?

Некрасов потом говорил:

-- Осенил он меня своею критикою.

Большим приятелем Шкляревского и многих других писателей был трактирщик С. А. Барашков. Скольких он, будучи сам человеком небогатым, выручил из беды. Особенно дружен был с ним Шкляревский. Как нужда, он к другу: "Выручай!" Друг выручал, и Шкляревский мог садиться за работу.

Писал он урывками, писал в поле, писал на ходу, писал в больнице. Если мы примем во внимание такой изумительный способ писания, то придем к еще большему удивлению перед дарованием Шкляревского.